

Давид Мартеи

ВОТ ЧЕЙ-ТО ДОМ

Я пытаюсь вспомнить его лицо, но вспоминаю почему-то лишь маленькую фигурку, спускающуюся вниз по холму. Так мог бы двигаться мой складной швейцарский ножик, вздумай он прогуляться по склону. Приглядевшись повнимательнее, я быстро нахожу, какие из лезвий-конечностей «лишние». Обычно это была лопата, иногда доска или палка. Или ветка — чего он только ни тащил в свою конуру. Говорили, что он живет собачьей жизнью. Ни дома нормального, ни работы, ни семьи. Не собачьей, а кошачьей. Зерах прожил 15 лет в пещере на склоне холма, и если его жизнь и была кое-как пришта к нашей, то лишь этими неровными стежками — быстрыми перебежками котов от поселка на вершине вниз, в тень его сада. Я могу понять тех, кто не хочет о нем вспоминать. Зерах почти ни с кем не общался, заходил в синагогу раз в год и плевать хотел на политику. Такой человек должен был бы уже давно загнуться нам в назидание. Страшной несправедливостью было то, что он потерял свой дом тогда же, когда и все мы. Ни на день раньше. Разве можно было сравнить этот игрушечный дом с другими? Ведь были постройки старого поселения, высыпанные, как кубики рафинада на вершину холма. Были новые районы, строящиеся урывками, в зависимости от смены правящих партий. Была, наконец, и вовсе незаконная высотка, где жили в вагончиках. И вот к этому-то незаконному холму и прилепилась хибара Зераха. Когда я вырос и отселился от родителей, один из вагончиков стал моим домом. Вокруг нашей высотки кипели политические страсти. То и дело нас показывали в Новостях. И вот тогда-то я утешал себя тем, что есть еще и дом Зераха, трижды незаконный. Насмешка, казус, детская халабуда с роскошным неуместным садом, где единственный территориальный конфликт — это борьба узловатых веток бугенвиллеи с зарослями розмарина.

Я познакомился с ним, когда был совсем еще сопляком. Мы играли там на склоне. Я уже забыл, что мы тогда не поделили, но только помню, что стою зарезанный, и обида моя огромна. Мне нужно немед-

ленно накинуться на врага — облачного колосса, необъятного, как моя обида, но рядом никого нет. И мне приходит в голову, что я могу все же сделать что-то большое, настоящее, равное моей ненависти: умереть. Я ложусь на землю, закрываю глаза (я тогда думал, что этого достаточно) и жду. Через пару минут мне становится скучно. Я открываю глаза и вижу человека в вылинявшей футболке. Лица не разглядеть против солнца. Только темный профиль, немного продавленный внутрь, угловатый. Что-то вроде тех каменных голов, что стоят на острове Пасхи. «Так ты не умрешь, парень. Просто получишь тепловой удар. Вставай. Господи, какой же ты легкий!»

Тогда-то я и увидел впервые его дом. Пещера, переходящая в веранду, а сад тогда только начинался. С тех пор я и стал к нему заходить. Принято было считать, что я хожу туда из-за сада. Что-то вроде кружка природоведения. Иногда я слышал, как кто-то из соседей внушает матери, что дружба с таким человеком до добра не доведет. Зерах работал на стройках с арабскими рабочими, а в перерыв усаживался вместе с ними обедать. В такие моменты я едва ли не силой заставлял себя окликнуть его и поздороваться. Мне не нравилось, как он обвязывает голову футболкой, как говорит по-арабски. А больше всего не нравилось, что сидят они прямо под палящим солнцем. Чудился вызов в этом пренебрежении тенью. Лень, что ли, отойти на два шага, под навес? Некоторых моих друзей эти совместные посиделки и вовсе бесили. «Погляди-ка! Да он там свой в доску! Того и гляди сдаст нас террористам». Другие — наоборот подозревали в нем еврейского подпольщика. Мстителя-одиночку. Моя соседка говорила, что ее собака захлебывается от лая, когда Зерах проходит мимо. Это, мол, неоспоримое доказательство, что тот замышляет недоброе. Я-то мог бы объяснить, почему ее пес лаял. Как раз накануне Зерах обнаружил на одном из холмов большое семейство кабанов. Видимо, он лазал там, заглядывал в норы, вот пес и почуял запах дикого зверя. Но Зерах строго-настрого запретил мне рассказывать про кабанов. (Придут, напугают, прогонят.) Еще тяжелей мне было молчать про кроликов. Они сбежали из живого уголка и слонялись по нашему склону. Зерах утверждал, что это дети-посетители замучили их непрерывным тисканьем. Пришлось спрятать беженцев. Мы прятали всех. Маскировали птичьи гнезда от котов, а муравейники от птиц. Мы действительно скрывали подполье. Шифры, явки и множество тайных квартир, расщелин и нор.

Почему-то именно в его саду я часто думал о смерти. Может, потому что старое, отмершее редко убирали. Листья шессека были раскиданы тут и там, пылились, как старая обувь. От неизвестной болезни погибала слива, и стояла легкая, сухая — так чисто умирать умеют только деревья. Когда умирал кто-нибудь из животных, Зерах заворачивал его в какую-нибудь из своих старых рубашек и закапывал тут же, в саду. Постепенно он забывал, кто где похоронен. Как-то раз я решил вскопать яблоню, врезался в землю лопатой и обнаружил клад — завернутое в ветошь ожерелье. Это была могила кота. Белое ожерелье оказалось позвоночником.

Один из друзей отца затеял построить органическую ферму и предложил нам с братом поработать у него на каникулах. А когда я вернулся и навестил Зераха, то мне вдруг показалась нелепой вся эта возня на клочке земли, суета вокруг существ, которые неплохо справились бы и без нас. С тех пор я редко к нему заходил.

А потом начала разрушаться вся наша жизнь. Вдруг стало незаконным старое поселение с ешивой, синагогой и кладбищем, и уж тем паче наша высотка, которая и раньше-то не давала всем покоя. Не помогли ни демонстрации, ни сборы подписей. Наши дома разрушили. Мы уехали. Я ходил по незнакомому городу и дивился тому, как в этих городах все твердо и чисто. А еще я думал о Зерахе. На что он надеялся, когда сажал свой сад? На что надеются нищие, старики, воробьи? Где они живут? Я присматривался к застекленным балконам и хлипким пристройкам. Чужие квартиры с распахнутыми дверьми и вываленными на перила коврами дышали мне в лицо, как дружелюбные собаки. Как-то раз, проходя мимо одной из них, я не удержался и заглянул внутрь. Там жили иностранные рабочие. В проем двери был виден чахлый журнальный столик, а на нем жуткая полосатая ваза, в которой стояли деревянные цветы, больше всего похожие на шашлык. Зачем суданскому беженцу-нелегалу вдруг понадобилось покупать их в долларовом магазине, и так ли надежен этот дом, что стоит его украшать?

И я вспоминал Зераха. «Божьей милостью, — говорил он в таких случаях, — Божьей милостью...»

